

Прощай, конкурс!

Одиннадцатый Международный конкурс Чайковского под аплодисменты публики опустил занавес. Разумеется, после оглашения одиозных (как всегда) решений жюри и торжественного — под гром духового оркестра и пронзительные гласы фанфар — закрытия с вручением наград победителям. Однако без обещанного публике Вэна Клайберна.

Кстати, состарившегося и почти разучившегося играть. О чем красноречиво свидетельствовало его выступление на вечере в Большом зале консерватории по случаю вручения международных премий "Слава — Глория". Что же, с годами и при сумятице мыслей, чувств и наклонностей быть становится легендой, легенда — мифом, миф — улетающим воздушным шариком. Как и все в этом мире. Лишь одна память помогает нам возвращаться к тому, что забываемо и может служить путеводной звездой.

Поясная мотивы, по которым жюри пианистов не пропустило на третий тур потрясшего всех Алексея Султанова, Андрей Эшпай поведал, что музыкант должен сочетать в себе три начала — талант, ремесло и рану в сердце. Судя по итогам конкурсов по всем четырем специальностям (фортепиано, скрипка, виолончель, вокал), большинство арбитров особой разницы между раной и ремеслом у конкурсантов не обнаружили и потому предпочли ремесло. Которое и на глаз приметнее и тонкого слуха вместе с моральными принципами не просит.

В результате чего первые премии достались в основном тем, кто не должен был на это рассчитывать. Если конкурс, конечно, **музыкальный, художественный**, преследующий духовно-эстетические цели, а не спортивное соревнование на силу накаченных бицепсов и белоглазость натренированных пальцев. Где нет, перефразируя Владимира Высоцкого, ни первых, ни последних, но зато все на одно лицо.

Третий тур для жюри не загадка. Все уже в главных чертах известно. Что победят, как и всегда, наши. Сильнейшие. По волевым атакам на инструмент или голос. Что очки, которые они наберут, будут высокими, поскольку об этом позаботились их профессора, восседающие в жюри и ревностно поддерживающие друг друга в критические моменты конкурсных баталий. Что испытанные годами совместной с ними работы на конкурсах иностранные коллеги, удостоившиеся и на этот раз приглашения, не будут им перечить.

А вот для публики и участников тур этот — уравнище со многими неизвестными. Ибо жюри располагает, а все прочие — предполагают. И ни на что не надеются, наученные горьким опытом предыдущих конкурсов. Когда даже для того, чтобы удостоить в 1958 году первым местом Вэна Клайберна — в прошлом пианистического титана — понадобилось брать высочайшее соизволение у генсека. Последний не хотел портить налаживающиеся отношения с Соединенными Штатами Америки и пожертвовал ныне покойным Львом Власенко, которого готовили в лидеры.

Теперь на дворе времена иные. Брать разрешение у начальства не столь обязательно, однако стереотип поведения срабатывает безотказно. К тому же он имеет глубокие исторические корни. В скрытом за плотной завесой времени 1890 году на Первом международном конкурсе пианистов и композиторов в Петербурге под председательством самого Антона Рубинштейна первое место по специальности фортепиано вручили не гениальному Феруччо Бузони, а посредственному Н.А.Дубасову, имя которого кануло во тьму веков.

Надо отдать должное Рубинштейну. Схватившись, что произошло неладное, он использовал свое влияние, чтобы назвать победителем по композиции Бузони, хотя уже тогда его величие как пианиста было несравнимо с его композиторским даром. Газеты в те дни писали, что утешительную премию итальянскому маэстро судьи дали для "очистки совести" и что "в интернациональном конкурсе вопрос о национальности должен был отступить на второй план". Увы, у нас он и до сих пор — на первом.

Восхождение участников от вершин второго тура к поднебесью третьего, требующего от исполнителя не только артистизма и способности объять необъятное, но и умения творчески взаимодействовать с оркестром, оказалось для большинства из них делом непредсказуемым и каверзным. Особенно с таким коллективом, как ГАСО, то заглушающим солиста, то награждающим его визгом киксующих духовых, не говоря уже о несогласиях. Это — у пианистов. У музыкантов других специальностей, выступавших с другими российскими оркестрами, — не лучше.

Пороки академического образования и исполнительской культуры обернулись провалом, а достоинства (у тех, кто ими обладал)

— признанием и славой.

Пианисты Денис Мацуев и Вадим Руденко продемонстрировали на редкость поверхностное понимание ими художественных задач, возлагаемых на исполнителей концертами для фортепиано с оркестром Чайковского, Рахманинова, Листа. Существенной разницы в их индивидуальностях не просматривалось. Что, однако, не помешало жюри увенчать Дениса и Вадима лаврами первой и второй премии соответственно.

В строю с ними оказались и другие российские пианисты, составившие подавляющее большинство участников третьего тура и не отличившиеся значительностью творческих замыслов и безупречностью вкуса. В их числе — Максим Филиппов, Олег Полянский (формально приписанный к Украине), Виктория Корчинская-Коган. Получили они, правда, разные премии, вплоть до дипломов, но суть их пианизма от этого не меняется. Уж если судьи были настроены даровать жезл лидера именно россиянину, то его следовало бы пожаловать Сергею Тарасову — самому мыслящему и рафинированному музыканту, с наибольшим достоинством представившему на третьем туре пианистическое искусство страны.

Разительной противоположностью нашим исполнителям стало изысканное мастерство Фредерика Кемпфа (Великобритания), развернувшего перед восхищенными слушателями захватывающую панораму глубочайших душевных коллизий, запечатленных в фортепианных концертах великих русских композиторов. Тех же самых концертов, что с бесшабашной удалостью были сыграны Мацуевым и Руденко, мало что увидевшими за внешним фасадом нотных знаков.

А пленительная Юмореска Шумана, прозвучавшая в интерпретации Кемпфа во втором туре! Каждое мгновение музыки было омыто кровью израненного и грезящего сердца. Люди замерли.

Одухотворенность рождает тончайшее слышание-переживание интонационной природы инструмента, открывает горизонты постижения тайны его колористических и динамических богатств. Нисколько при этом не жертвуя блеском виртуозности и масштабностью мышления. Именно поэтому искусство Кемпфа стало для нашей аудитории открытием, благой вестью. Фредерику присудили третью премию. И поделом — не высовывайся. Совсем как в реликтовые советские времена.

А вот названная мной на первом туре "божественной" Мика Сато (Япония), невестка каким чудом угодившая вместе с великобританцем в российскую команду третьего допуска, в поднебесье не взлетела: крылья мысленного и материального охвата пространств

оказались слабыми. Диплом.

На третьем туре у скрипачей музыкантски зрелая Латиса Хонда-Розенберг (Германия), ученица Захара Брона, еще раз подтвердила свое право на лидерство. Абсолютное. Вдохнув страсть и драматизм в Концерт Чайковского, она на одном дыхании с демоническим размахом и феерической виртуозностью сыграла труднейший опус Шостаковича. Тем не менее первая премия была присуждена не ей, а с полной неожиданностью для всех Николаю Саченко (Россия), студенту первого курса Московской консерватории, исполнителю одаренному, но с хорошо просматривающимся потолком творческих возможностей. Латисе же жюри отдало второе место. Вроде и овцы целы, и волки сыты.

Озорница Ичун Пань (КНР) выступила не вполне убедительно. Но третью премию завоевала. Вдумчивая Би Хуанг (КНР) вышла на четвертое место, агрессивносуховатый Александр Тросянский — на пятое, мечтательно-лирическая Наташа Ломейко — на шестое. Дипломы получили итальянец Франческо Манара, которому повредило сильное волнение, и россиянка, скромная Елена Ревич.

Если вердикт жюри скрипачей и не вызвал у публики острого недовольства (тот же Саченко — сирота с детства, почему бы и не потрафить талантливому юноше?), то на конкурсе виолончелистов обстановка была менее благоприятной и располагающей к миролюбию.

На первое место обоснованно претендовали и дерзостно-экспрессивный Вольфганг Шмидт (Германия), и утонченно-элегантный Франсуа Салье (Франция), и целеустремленный, яркий Александр Неустроев (Россия).

Впрочем, претендовали все, оказавшиеся в счастливой ладье третьего тура. В том числе Владимир Бальшин (Россия), виолончелист страстный и одержимый, но скорее тяжкий трудяга, чем творец по нити. Достаточно видеть во время игры его лицо, искаженное страданиями.

Как бы то ни было, сражение выиграл Денис Шаповалов. Ученик Натальи Шаховской — председателя жюри и протеже Владимира Спивакова, обнаживший романтический всплеск эмоций в Концерте Шумана и струящийся, просветленный лиризм в Вариациях на тему рококо Чайковского. Вторая премия досталась австралийцу Кин Ли Вею, сумевшему, несмотря на свое китайское происхождение и завидную молодость, проникнуть как никто в стихию русской музыки.

Далее, не считая Салье (четвертая премия) и Шмидта (шестая премия), уверенно и по порядку шли тоже ученики Шаховской — концентрированно-волевой Борис Андрианов (Россия), отмеченный третьей премией, профессиональный Дмитрий Цирин (Россия), разделивший со Шмидтом шестое место (пя-

тая премия не присуждена никому), попавшие в дипломанты Владимир Бальшин и Александр Неустроев (в питомцах председателя жюри не числятся).

Так международный конкурс стал конкурсом одного класса. С несколькими гостями для развода. Впрочем, на других полях брани наблюдалось примерно то же самое.

Рекорд "Серебряная галоша" (именно такой приз за профнепригодность предлагалось учредить на конкурсе) принадлежит, конечно, вокалистам. Не всем, разумеется. Вакуум духовности. Звуковое насилие. Поверхностное проникновение в смысл литературного текста и музыки. Стилевое и художественное дурновкусие. Минимум артистического шарма и максимум провинциализма. Дефицит образности. Скверные артикуляция и интонирование. Всего не перескажешь. Но именно так показала себя основная часть первоначального контингента участников в 123 (позже — плюс 4) персоны, почти треть из которых — россияне.

Поскольку из двенадцати певцов, допущенных на третий тур, девять (а то и все одиннадцать — Казахстан, Грузия) — наши, родные, то о них и речь. Точнее, об исключениях из общего правила.

Надежда Сердюк, обладательница красивого, выразительного сопрано, обязанная своей отменной школой профессору Галине Алексеевне Писаренко. Увы, диплом. Почему? Боюсь, что и жюри невдомек.

Злата Бульчова, воспитанница классической петербургской школы и солистка Мариинки, обжигающая суровостью уникального драматического меццо-сопрано и властным вхождением в образ. Четвертая премия. На совместных началах с интеллектуальной Викторией Евдотьевой, тоже из Санкт-Петербурга.

Елена Манистина. У нее густое, округлое меццо, напоминающее распространенные у нас типы канонически-оперных, грудных голосов, не отличающихся подвижностью и щедростью красок. Пение "крупным помолом". Вторая премия.

А вот и сенсация. Впервые в истории конкурсов имени Чайковского первым местом завладела японка Миеко Сато. Маленькая, хрупкая — в чем душа держится? Стала всеобщей любимцей — подобно волшебнику Кемпфу, заволаживающе проникновенную Мари-Энн Маккормик (США), награжденную за лучшее исполнение романса Чайковского. Хотя, честно говоря, все в ее интерпретации было лучшим и непревзойденным — от "Вечной любви" Брамса до Сегедильи из "Кармен" Бизе.

Откровенно бледной оказалась группа мужских голосов, вышедших в финал. Первым стал мастеровитый, но в чем-то искусственный Бесик Габиташили (Грузия), баритон, вторым — холодноватый Евгений Никитин (Россия), бас, третьим — выхоленный Александр Киселев (Россия), тоже бас.

Наречены дипломантами искушенный профессионал Андрей Батуркин (Россия), баритон, и единственный в этом списке прекраснейший тенор Даниил Штода (Россия). Вытесненный тем не менее на задворки.

В кулуарах подчас приходится слышать, что премии — не главное, главное — музыка. Несогласен. Главное — и то, и другое.

Музыка — это духовное деяние. И наслаждение.

Премия — оценка молодому таланту и урок ему. А то и путевка в жизнь.

Не обремененному опытом бытия и трезвым пониманием своих проблем и возможностей юноше, премия, несправедливо завышенная, может вскружить голову, породить в нем зазнайство и загубить дарование.

И, напротив, если она объективна и беспристрастна, то способна побудить музыканта к дальнейшим творческим поискам и труду.

Премия — и критерии, по которым искусство будет эволюционировать дальше, и престиж страны. Не случайно на нынешнем форуме мало участников из стран Европы и Америки. В отличие от первых конкурсов. Похоже, так разуверились в праведности вердиктов, выносимых в России.

Если эта тенденция будет нарастать и в обозримом будущем, то конкурс, освященный именем гения, со временем из международного превратится в узконациональный.

Герард КИМЕКЛИС

● Фредерик Кемпф
Фото Э.ЛЕВИНА

